

ПОЛИТИКА

Л. Г. Фишман

КОНЦЕПЦИЯ ЛОЖНОГО СОЗНАНИЯ КАК «ПОЛОВИНА» ИДЕОЛОГИИ¹

Ключевые слова: идеология, ложное сознание, интеллигенция, интеллектуалы, элитизм, новый идеократический класс

¹ Статья подготовлена в рамках проекта конкурсных исследований Института философии и права УрО РАН 12-П-6-1007 «Общественные науки и модернизационные вызовы XXI века».

² Энгельс [Engels] 1966: 83.

³ Мангейм [Mannheim] 1994: 40.

Концепция ложного сознания считается классикой политической науки, вполне адекватно отражающей суть такого феномена, как идеология. Однако даже ее сторонники не могут игнорировать, что сама эта концепция также возникла в рамках вполне определенной идеологии. Поэтому закономерен вопрос: не осталось ли в этой концепции следов ее идеологического происхождения и не является ли концепция идеологии как ложного сознания в каком-то смысле тоже идеологией и ложным сознанием? «Идеология, — отмечал Фридрих Энгельс в письме к Францу Мерингу, — это процесс, который совершает так называемый мыслитель, хотя и с сознанием, но с сознанием ложным. Истинные движущие силы, которые побуждают его к деятельности, остаются ему неизвестными, в противном случае это не было бы идеологическим процессом»². Ту же самую закономерность фиксировал Карл Мангейм, когда говорил о «выявлении источников бессознательного в духовной жизни». Иными словами, в концепции идеологии как ложного сознания «ложность сознания» устанавливается путем нахождения корней «духовного бессознательного», а именно его социального референта (класса, социальной группы). Так можно ли обнаружить источники «духовного бессознательного» концепции идеологии как ложного сознания?

Но, поставив вопрос таким образом, мы должны обратить внимание на один важный момент. При анализе происхождения концепции идеологии как ложного сознания быстро выясняется, что у самих классиков марксизма этой концепции нет. У Энгельса нет ничего кроме приведенной цитаты, у Карла Маркса же идет речь об иллюзорном, а не о ложном сознании. Можно, конечно, это проигнорировать, заявив, что у Маркса и Энгельса данная концепция имеется в потенции, а последователи лишь развили эту потенцию. В конце концов, Маркс и Энгельс не застали ситуации, описанной Мангеймом: «В настоящее время мы достигли стадии, когда это оружие взаимного разоблачения и выявления источников бессознательного в духовной жизни принадлежит уже не одной группе среди многих, но всем социальным группам»³. Но почему же Маркс и Энгельс не стали оттачивать это страшное оружие, если первоначально оно давало такое преимущество?

Почему у классиков марксизма нет концепции идеологии как ложного сознания, а у их последователей (которых в известном смысле можно назвать еретиками марксизма) она есть? Возможно, потому, что

в первой половине XX в. возникло некое содержание «духовного бес-сознательного», которое в эпоху Маркса и Энгельса еще отсутствовало, а во времена Манхейма и Антонио Грамши уже сложилось.

Причины, которые привели к появлению концепции идеологии как ложного сознания, частично обусловлены имманентной логикой марксизма, частично — немарксистским теоретическим контекстом, частично — ситуацией 1920—1930-х годов. Начать надо с исторической ситуации. Она известна — закончившаяся Первая мировая война и последовавшая за нею серия удачных и (главным образом) неудачных «пролетарских революций». В ходе этих революций выяснилось, что пролетариат не в силах оправдать надежды, возлагавшиеся на него марксистами. Он оказался не способен сокрушить капитализм. Согласно внутренней логике самого марксизма это означало лишь то, что история не сделала для пролетариата исключения. Не ему суждено было стать тем социальным субъектом, интересы и устремления которого зададут содержание новой исторической эпохи — точно так же, как не рабы сменили рабовладельцев и не крестьяне — феодалов. При всем при том цель достижения социализма не утратила для марксистов своей актуальности. Провал пролетариата как социального субъекта перемен был осмыслен как провал стратегии и тактики овладения властью. В связи с этим Грамши начал выработать новую стратегию и тактику, известную как обретение культурной гегемонии. Но эта новая тактика не подходила прежнему социальному субъекту; она подразумевала наличие иного субъекта. И у Грамши, и у Манхейма этот субъект уже был четко обозначен — интеллигенция, класс (прослойка) интеллектуалов, людей, обладающих (если они вооружены верной теорией) знанием объективно происходящих социальных процессов.

Еще более важно, что в тот же период шла трансформация буржуазного государства из неприкрыто классового в технократически-рациональное. Ключевая роль в таком государстве отводилась управленцам и экспертам, то есть разновидности тех же интеллектуалов. Индустриализирующиеся общества на какое-то время стали остро нуждаться «в учителях, поводырях, вождях и прочих элементах „внешней совести“»⁴. Эти процессы получили отражение в социальной теории. Заговорили о роли рациональной бюрократии, о том, что сами классы не обладают самосознанием и кто-то должен им его привнести, что поэтому в действительности нет такого феномена, как власть классов, а правят элиты — не в последнюю очередь благодаря тому, что обладают знанием. Наличие знания вообще рассматривалось как важнейшая черта элиты, отличающая ее от массы. Так, Гаэтано Моска полагал, что самым главным критерием при отборе в элиту является способность управлять, *знание* ментальности народа, его национального характера⁵; Роберт Михельс, противопоставляя элиту массе, наделял последнюю политической индифферентностью, *некомпетентностью*, потребностью в руководстве и т.д.⁶ Однако теперь понятие «масса» касалось не только социальных низов, но и просто большинства — пусть даже и тех

⁴ Мартыанов [Mart'janov] 2009: 95.

⁵ Исаев [Isaev] (ред.) 2013.

⁶ Там же.

классов, которые считаются господствующими или привилегированными. В этом контексте заблуждение по поводу реального порядка вещей уже не представлялось делом каких-то отдельных классов, а воспринималось как присущее им всем — всем, кто не обладает знанием, волей к власти, способностью управлять.

⁷ Burnham 1941: 71.

В плане социальных трансформаций это было время, когда на арену выходил новый класс — класс интеллектуалов, белых воротничков, управленцев, менеджеров, который, как казалось некоторым исследователям, уже устроил свою революцию⁷. Этот новый класс постепенно осознавал свое предназначение. Так, в 1920-е годы с темпераментным обличением «предательства интеллектуалов» выступил Жюльен Бенда. Бенда, мечтавший, чтобы интеллектуалы вспомнили о своем якобы истинном предназначении — охранять высшие, общечеловеческие ценности и демократию — и перестали разбегаться по каморкам идеологий, классов и наций⁸, в действительности создал для интеллектуалов миф о прошлом, которого никогда не было. Но этот миф *de facto* стал одним из первых вариантов формировавшейся в то время претензии нового класса на господство.

⁸ Бенда [Benda] 2009: 19—22.

По всем перечисленным выше причинам создатели концепции идеологии как ложного сознания балансировали на тонкой грани, отделявшей верность социализму и марксизму от скрытого элитизма. Концепция ложного сознания легко могла интерпретироваться в элитистском ключе. Как и прочие классы, когда-либо боровшиеся за власть в эксплуататорских обществах, пролетариат (который на уровне теории все еще рассматривался в качестве класса, претендующего на господство) выделял элиту в виде интеллектуалов. Этим интеллектуалам, конечно, предписывалось не отрываться от масс, не создавать для себя отдельной «веры». Однако они были оторваны от масс уже своим привилегированным положением «знающих больше», которое и отличало все элиты в истории. Пролетарская интеллектуальная элита должна была — поскольку «знание» обязывало — скрывать от масс реалистический взгляд на перспективы их борьбы. Но из этого легко было сделать выводы в сорелевском духе, превращавшие идеологию «для масс» не более чем в полезный миф.

Как заметил Славой Жижек, элита должна была бы честно сказать массам, что «первые попытки борьбы рабочих обречены на поражение, их непосредственные цели не могут быть достигнуты, и, тем не менее, невзирая на провал, они не теряют своего воспитательного значения, то есть превращения рабочего класса в субъекта революционного процесса». Но она не могла этого сказать, ибо, «если мы прямо скажем сражающимся рабочим: „Пусть даже вы потерпите поражение — это не имеет значения, потому что главным смыслом ваших сражений является их образовательный эффект“, — этот образовательный эффект будет потерян»⁹.

⁹ Жижек [Žižek] 1999: 88.

Иными словами, пока оставалась вера в пролетариат как субъект грядущих изменений, нежелание формулировать концепцию ложного

сознания в том радикальном виде, в каком это было сделано Манхеймом, являлось, помимо всего прочего, и более моральной, и более реалистической стратегией. Но только до тех пор, пока сохранялась надежда на пролетариат! Концепция идеологии как ложного сознания появилась, когда обнаружилась неоправданность этой надежды, когда был поставлен вопрос о необходимости нового самостоятельного социального субъекта. Он еще не был формально признан таковым и все еще говорил как бы от имени настоящего субъекта — пролетариата или какого-то иного класса. Но уже в описаниях Грамши и Манхейма он обладал преимуществом знания (способностью выявлять «ложность сознания» иных социальных субъектов, а также пониманием истинного содержания исторического процесса) и умением управлять.

Так, Грамши отдавал отчет в том, что интеллигенция его эпохи была принципиально новым феноменом, не сводимым к своим предшественникам. По Грамши, интеллигенция зародилась в обществе, когда возникла потребность в достижении гегемонии через идеологию. Именно создание и распространение идеологий, установление либо подрыв гегемонии того или иного класса — главный смысл существования интеллигенции. Грамши видел в интеллигенции не отдельный класс, а лишь группу, которую «настоящие» классы выделяют для известных функций. Вместе с тем он проводил различие между современной ему и традиционной интеллигенцией. В его рассуждениях проскальзывает, что он столкнулся с интеллигенцией как чем-то самостоятельным или претендующим на самостоятельность: «многие интеллигенты считают, что они-то и есть государство, это мнение, вследствие того что категория разделяющих его лиц является весьма многочисленной, иной раз влечет за собой значительные последствия и приводит к неприятным осложнениям для основной экономической группы, которая действительно является государством»¹⁰.

¹⁰ Грамши
[Gramsci] 1991:
336.

Не остались незамеченными им и трактовки интеллигенции как новой элиты: «Так называемый „политический класс“ Моски — не что иное, как интеллигенция господствующей социальной группы, понятие „политический класс“ Моски следует сблизить с понятием элиты Парето, которое является еще одной попыткой объяснить такое историческое явление, как интеллигенция, и ее роль в государственной и общественной жизни»¹¹.

¹¹ Там же: 344.

Описывая интеллигенцию, Манхейм утверждал, что эта «страта» «не обязательно должна превращаться в партию или группу влияния, чтобы стать сознательной и достичь своих целей. ...Такая группа, как интеллигенция, теряет себя лишь в том случае, если отказывается от самосознания и от способности действовать своим особым, только ей присущим образом. Она не может создать свою особую групповую идеологию. Она должна оставаться критичной как в отношении себя самой, так и по отношению ко всем другим группам»¹².

¹² Манхейм
[Mannheim]
2000: 157.

Следует особо отметить, что в концепциях Манхейма и Грамши новый социальный референт не артикулируется в качестве такового.

Постоянно звучат заявления, что это не класс, что у него не может быть собственной классовой позиции. Другими словами, уникальность этого референта в том, что его позиция не может быть замутнена классовым бессознательным. И поскольку такой замутненности нет, интеллектуалу проще, чем остальным, достичь позиции чистой объективности, фундированной научно. Объективно же фундирован социализм (или демократия) в качестве цели. Таким образом, концепция ложного сознания превращается в дискурс о цели (вначале это социализм, потом цель может поменяться) — и о власти, которая нужна для ее достижения. «Отсюда вытекают некоторые необходимые требования, которым должно удовлетворять каждое культурное движение, стремящееся заменить обыденное сознание и старые мировоззрения вообще: 1) всегда и без усталости повторять собственные аргументы (видоизменяя их литературную форму); повторение есть самое эффективное дидактическое средство для воздействия на народное мышление; 2) непрестанно трудиться ради интеллектуального возвышения все более широких слоев народа, то есть для того, чтобы придать индивидуальность аморфному элементу массы, иначе говоря, трудиться, чтобы вызвать к жизни интеллектуальные элиты нового типа, которые вырастали бы непосредственно из массы, оставаясь при этом в контакте с массой, с тем чтобы стать для нее тем же, что китовый ус для корсета»¹³. Отсюда же вытекала знаменитая концепция культурной революции, ведущий класс которой (при том что он не мог быть признан классом) занимается самым важным — созданием смыслов и целей. И отсюда же переключки с элитизмом, точнее, с одной из элитистских стратегий — превращением идеологии в веру для масс. Конечно, в марксистской парадигме эта элитистская стратегия не могла быть последовательной. Грамши должен был постоянно оговариваться: «Позиция философии практики противоположна позиции католицизма: философия практики стремится не удержать „простых людей“ на уровне их примитивной философии обыденного сознания, а, наоборот, подвести их к более высокой форме осознания жизни. Если она утверждает необходимость контакта между интеллигенцией и „простыми людьми“, то это не для того, чтобы ограничить научную деятельность и поддержать единство на низком уровне масс, а именно для того, чтобы создать интеллектуально-моральный блок, который сделает политически возможным интеллектуальный прогресс всей массы, а не только узких групп интеллигенции»¹⁴.

¹³ Грамши
[Gramsci] 1991: 41.

¹⁴ Там же: 34.

Тем не менее, несмотря на подобного рода оговорки, есть основания полагать, что *de facto* в концепции идеологии как ложного сознания впервые была озвучена претензия нового класса на власть и право осуществлять общественные преобразования.

С точки зрения этой поднимающейся социальной группы, которая отдавала предпочтение науке и технике, основанным на верифицируемом, не замутненном мифами знанию, век идеологий казался пройденным этапом. Подобно прежним восходящим классам, новый класс начал с критики идеологии как таковой. И это неудивительно. Как

замечает Юрген Хабермас, в Новое время «разрушенные легитимации замещаются новыми, которые, с одной стороны, рождаются благодаря критике традиционных интерпретаций мира как догматических и претендуют на научный характер, а с другой — сохраняют легитимирующие функции, препятствуя тем самым анализу общественным сознанием фактических отношений власти. И только вследствие этого возникают *идеологии* в точном смысле этого слова: они подменяют традиционные легитимации господства, выступая с претензией на научность и оправдывая себя критикой идеологии. *Идеологии первоначально совпадают с критикой последней*»¹⁵.

¹⁵ Хабермас
[Habermas] 2007.

Итак, любая идеология — это критика идеологии, в том числе и путем разоблачающей привязки ее к конкретному социальному субъекту. Примером может служить реформационная критика католицизма с обличением своекорыстной церковной иерархии, просвещенческая критика идеологий Старого порядка с обличением намеренно обманывающего народ союза попов и аристократов, сам марксизм и т.д. Критика идеологии — неотъемлемый компонент идеологий как феномена Модерна. Если она есть, то, потянув за этот хвост, можно вытянуть и остальную идеологию.

Любая критика идеологии — это часть идеологии, но часть, которая появляется на сцене первой. Потом появляется все остальное. Одновременно обнаруживается и социальный референт такой критики, который формулирует не только критическую часть своих воззрений. Точно так же и в случае с концепцией идеологии как ложного сознания рано или поздно должен был появиться социальный субъект, предупреждающим звонком о котором она и была. Манхейм считал, что интеллигенция не просто флюгер, что она способна оказывать самостоятельное влияние. Она не может создать особую идеологию, но должна оставаться критичной. Иными словами, у нее должна быть «половина идеологии», которая и заключается в критицизме по отношению к прочим идеологиям. Но раз так, не выступали ли сами теории ложного сознания и интеллигенции как чего-то большего, нежели флюгер, в качестве второй половины идеологии или хотя бы пролегоменов к ней?

Если идеология — это мировоззрение, отражающее позицию некоей социальной группы, борющейся за власть, то и концепция идеологии как ложного сознания, противопоставляемого «истинному», «научному» мировоззрению, есть выражение классовой позиции. Или, по крайней мере, существенный компонент такого выражения. Эта концепция не следствие изменений исключительно в области гносеологии, иначе бы были неуместны отсылки как Манхейма, так и Грамши к интеллигенции, «свободно парящим интеллектуалам», с элитистскими мотивами или же страхом перед возникновением таковых. Аласдер Макинтайр отнюдь не безосновательно замечал по этому поводу: «Обратите внимание, как часто революционные теоретики, ортодоксальные обществоведы и промышленные менеджеры оказываются выходцами из одних и тех же социальных групп. Но даже более важной является

их общая преданность идеологии экспертизы. Притязание на научное понимание вытекает не только из одних и тех же интеллектуальных допущений по ту сторону от линии, отделяющей революционера от устоявшегося порядка, но еще и из параллельного элитизма... Идеология экспертизы воплощает собой притязание на привилегию в отношении власти»¹⁶.

¹⁶ Макинтайр
[MacIntyre] 2012:
159.

В связи с этим, возвращаясь к исходному вопросу, мы можем сказать, что у классиков марксизма нет концепции идеологии как ложного сознания потому, что для пролетариата как конкретного класса, от имени которого они выступают, эта проблема несущественна. Трудящийся класс легитимирует свое право на власть отсылкой не к знанию, а к роли труда в современном индустриальном обществе. Отсылкой *в том числе* к знанию легитимируют себя другие классы и их элиты. А отсылкой только к знанию — один класс: интеллектуалов. Само описание Манхеймом ситуации, в которой каждому классу с его социальной позиции видна лишь часть истины и только интеллектуалы (конечно, с оговорками) способны на нечто большее, — это калька с древних притч о естественном неравенстве, обусловленном таким же естественным разделением социальных функций. Притчи о голове, руках, ногах, брюхе и т.д. с давних пор использовались элитами с целью показать, что им с высоты «головы» все видно лучше. Поэтому, в частности, позиция интеллектуала, единственного, кто, в отличие от «массы», обладал последовательно критическим сознанием, отвергалась классиками марксизма. Маркс и Энгельс в «Святом семействе» как раз и начинали с того, что высмеивали претензию германской «критической критики» на статус какой-то «трансцендентной силы»: «У реального гуманизма нет в Германии более опасного врага, чем спиритуализм, или спекулятивный идеализм, который на место действительного индивидуального человека ставит „самосознание“, или „дух“, и вместе с евангелистом учит: „Дух животворящ, плоть же немощна“. Само собой разумеется, что этот бесплотный дух только в своем воображении обладает духовными, умственными силами. То в бауэровской критике, против чего мы ведем борьбу, есть именно карикатурно воспроизводящая себя спекуляция. Мы видим в ней самое законченное выражение христианско-германского принципа, делающего свою последнюю попытку — утвердить себя посредством превращения самой „критики“ в некую трансцендентную силу»¹⁷.

¹⁷ Маркс, Энгельс
[Marx, Engels]
1955: 7.

Однако во времена Грамши и Манхейма претензии нового класса на власть уже базировались не на «карикатурно воспроизводящей себя спекуляции» и не на каких-то абстрактных принципах. Грамши еще в 1930-е годы заметил, что интеллигенция нередко считает себя государством. В конце 1950-х годов Ральф Дарендорф стал трактовать в качестве «правлящего класса посткапиталистического общества» лиц, принадлежащих к высшему звену управления промышленными компаниями, и представителей государственной бюрократии — тех, кто «находится на верхних ступенях бюрократических иерархий или отдает распоряжения административному персоналу». Этот подход был

впоследствии развит в теории технотронного общества, в первую очередь Збигневом Бжезинским, по мнению которого новая элита должна прежде всего иметь возможность контролировать и направлять процессы, задаваемые логикой технологического прогресса. Предельно широкое определение новой социальной страты — так называемой техноструктуры — дал Джон Кеннет Гэлбрейт, согласно которому «она включает в себя всех, кто привносит специальные знания, талант и опыт в процесс группового принятия решений»¹⁸. В результате к середине 1970-х годов господствующим классом начали именовать «технократов». А Ален Турен и вовсе объявил их не только доминирующим классом постиндустриального общества, но и субъектом подавления остальных социальных слоев и групп¹⁹.

¹⁸ Иноземцев
[Inozemtsev] 2000:
44.

¹⁹ Там же.

Вместе с тем появился термин «работник интеллектуального труда», отличительными чертами которого считались «ориентированность на оперирование информацией и знаниями, фактическая независимость от собственности на средства и условия производства, высокая мобильность: стремление к деятельности, открывающей широкое поле для самореализации и самовыражения»²⁰. Дэниэл Белл, основоположник теории постиндустриализма, отмечал, что «если в течение последних ста лет главными фигурами были предприниматель, бизнесмен, руководитель промышленного предприятия, то сегодня „новыми людьми“ являются ученые, математики, экономисты и представители новой интеллектуальной технологии»²¹.

²⁰ Там же: 45.

²¹ Там же.

Устами интеллектуалов вроде Белла и Раймона Арона новый класс, претендующий на власть и становление нового общества, поспешил, как и его предшественники, провозгласить окончательное завершение прежней эпохи с ее интеллектуальной надстройкой в виде классических идеологий Модерна. По словам Герберта Маркузе и Юргена Хабермаса, на какое-то время возобладало представление об идеологии этого нового класса как о «науке и технике», то есть, собственно, и не «идеологии», не «ложном сознании»²². Оно подразумевало отказ от самосознания в пользу научно-технического регулирования (осуществляемого властной волей) социальных процессов и внутреннего состояния человека и тем самым фактически блокировало возможность дальнейших социальных перемен. Такова оказалась цена поспешного отказа от «ложного сознания», что достаточно быстро было осознано тем же Беллом, который в 1988 г. уже прямо заявил об опасности разговоров о конце идеологии. К тому времени выяснилось, что из тезиса о конце идеологии вытекает сохранение status quo в социальной структуре, безальтернативность капитализма, провозглашение власти технократов, угасание политических дебатов, а также конец не только идеологического, но и нравственного выражения²³. Но хотя концепция конца идеологии и подобные ей были вскоре поставлены под сомнение, социальный референт этих концепций не исчез. Его стали лишь почти всецело осмысливать в категориях дискурса о власти как «новый идеократический класс», который «оперирует смыслами и целеполаганием общества, занимается проектирова-

²² Хабермас
[Habermas] 2007.

²³ Иноземцев
[Inozemtsev] 2002:
3—12.

²⁴ Неклесса
[Neklessa] 2005.

нием, управлением и воплощением инновационных схем и социальных конструкций»²⁴.

Завершая, хотим отметить, что при всем том было бы неправомерным объявлять концепцию идеологии как ложного сознания Манхейма, Грамши и др. идеологией именно класса интеллектуалов-менеджеров-экспертов или даже «нового идеократического класса». Будучи формально создана в интересах пролетариата, она объективно расчищала путь другому классу, обретавшему самосознание. Таким образом, эта концепция полностью подпадала под энгельсовское определение идеологии как мыслительного процесса, совершаемого при отсутствии понимания его истинных движущих сил, то есть идеологии как ложного сознания. Но концепция идеологии как ложного сознания фактически явилась исходной точкой обретения самосознания этим новым классом, проложив дорогу теориям конца идеологии, общества знаний, постиндустриального общества и, возможно, еще многим другим. Каковы бы ни были эти последние, концепция ложного сознания, по-видимому, останется для них базовой — как неустранимая критическая «половина» всякой идеологии.

Библиография

- Бенда Ж.** 2009. *Предательство интеллектуалов*. — М. [Benda J. 2009. Predatel'stvo intelektualov. — M.].
- Грамши А.** 1991. *Тюремные тетради: В 3 ч. Ч. 1*. — М. [Gramsci A. 1991. Tjurennye tetradi: V 3 ch. Ch. 1. — M.].
- Жижек С.** 1999. *Возвышенный объект идеологии*. — М. [Žižek S. 1999. Vozvyshennyj ob'ekt ideologii. — M.].
- Иноземцев В.Л.** 2000. «Класс интеллектуалов» в постиндустриальном обществе // *Социологические исследования*. № 8 [Inozemcev V.L. 2000. «Klass intelektualov» v postindustrial'nom obshhestve // Sociologicheskie issledovanija. № 8].
- Иноземцев В.Л.** 2002. Социология Даниэля Белла и контуры современной постиндустриальной цивилизации // *Вопросы философии*. № 5 [Inozemcev V.L. 2002. Sociologija Daniehlja Bella i kontury sovremennoj postindustrial'noj civilizacii // Voprosy filosofii. № 5].
- Исаев Б.А.** (ред.) 2013. *Введение в политическую теорию*. — СПб. [Isaev B.A. (red.) 2013. Vvedenie v politicheskiju teoriju. — SPb.] (http://fictionbook.ru/author/kollektiv_avtorov/vvedenie_v_politicheskuyu_teoriju_dlya_b/read_online.html?page=1).
- Макинтайр А.** 2012. Идеология, социальная наука и революция // *Логос*. № 2 (86) [MacIntyr A. 2012. Ideologija, social'naja nauka i revoljucija // Logos. № 2 (86)].
- Мангейм К.** 1994. Идеология и утопия // Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. — М. [Mannheim K. 1994. Ideologija i utopija // Mannheim K. Diagnostoz nashego vremeni. — M.].
- Манхейм К.** 2000. Проблема интеллигенции // Манхейм К. *Избранное: Социология культуры*. — М., СПб. [Mannheim K. 2000. Prob-

lema intelligencii // Mannheim K. Izbrannoe: Sociologija kul'tury. — M., SPb.].

Маркс К., Энгельс Ф. 1955. Святое семейство // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 2. — М. [Marx K., Engels F. 1955. Svjatoe semejstvo // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 2. — M.].

Мартъянов В.С. 2009. Постсоветская Россия: Социально-теоретические размышления // Куренной В.А. (ред.) *Мыслящая Россия: История и теория интеллигенции и интеллектуалов*. — М. [Mart'janov V.S. 2009. Postsovetskaja Rossija: Social'no-teoreticheskie razmyshlenija // Kurennoj V.A. (red.) Mysljashhaja Rossija: Istorija i teorija intelligencii i intellektualov. — M.].

Некlessа А. 2005. *Новый интеллектуальный класс* [Neklessa A. 2005. Novyj intellektual'nyj klass] (<http://www.polit.ru/article/2005/03/15/neklessa/>).

Хабермас Ю. 2007. Техника и наука как идеология // Техника и наука как «идеология». — М. [Habermas J. 2007. Tekhnika i nauka kak ideologija // Tekhnika i nauka kak «ideologija». — M.] (<http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289373>)

Энгельс Ф. 1966. Францу Мерингу, 14 июля 1893 г. // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Т. 39. — М. [Engels F. 1966. Francu Meringu, 14 ijulja 1893 g. // Marx K., Engels F. Sochinenija. T. 39. — M.].

Burnham J. 1941. *The Managerial Revolution: What Is Happening in the World*. — N.Y.